

ТРАДИЦИИ ВОЙЛОКОВАЛЯНИЯ И СУКНОДЕЛИЯ У ПОВОЛЖСКИХ ФИННОВ

(общий обзор)

Н. А. ПАВЛОВА,

младший научный сотрудник

отдела нумизматики и археологии Музеев Московского Кремля

(г. Москва, РФ)

Исследование возникновения и развития ремесел у различных народов в настоящее время представляет собой перспективное направление исторической науки. Находясь на стыке археологии, этнографии и истории, оно также требует привлечения данных из различных областей науки и техники. Исследование текстильного ремесла – не исключение. Изучение процесса формирования и развития навыков текстильного производства позволяет решить сложнейшие вопросы функционирования традиционного общества: раскрыть особенности связей между производителями текстильных изделий, между производителями и потребителями, а также между потребителями, выявить импортные текстильные изделия и уточнить межэтнические контакты населения. Поволжье исторически является регионом с весьма пестрым этническим составом. В данной статье на основе изучения истории двух направлений текстильного ремесла: войлоковаляния и сукноделия – будет произведена попытка уточнения истории межэтнической интеграции поволжских финнов.

В археологических памятниках поволжских финнов II тыс. н. э. нередко фиксируются предметы из войлока и изделия, имеющие аналогичную войлочной поверхность – сукно. Согласно терми-

нологическому словарю одежды, войлок – это плотный нетканый материал, изготовленный из шерсти путем валяния [15]. Сукно, как следует из энциклопедии моды, – это плотная, различной толщины, шерстяная или полушерстяная ткань, подвергаемая валянию, в результате которого она уплотняется [2]. В свою очередь, валяние (валка) представляет собой процесс изготовления шерстяных изделий путем сцепления и переплетения между собой волокон шерсти [6]. При валянии под воздействием горячей воды или пара чешуйки на волокнах шерсти цепляются одна за другую. Хотя внешний вид названных предметов часто сходен, история их возникновения и использования у финских народов Поволжья принципиально различается.

История войлочных изделий, применяемых крайне широко, насчитывает несколько тысяч лет. Ее изучением занимались многие западные исследователи, и прежде всего Е. Барбер [31]. Из современных публикаций обобщающего характера на русском языке следует выделить работу Е. Г. Царевой [29]. На колоссальном по объему материале исследователь подробно и аргументированно рассматривает терминологические вопросы, возможные место и время появления войлока, историю

распространения навыков валяния и взаимопроникновения различных валяльных традиций в Азии и Европе. Не разделяя так называемые войлочные и полувойлочные изделия на две абсолютно не связанные категории, Е. Г. Царева отмечает при этом, что традиция изготовления полувойлоков (т. е. по сути тканей и тканых изделий с настилом на поверхности) принадлежит народам Европы. История войлока привлекает и исследователей современного войлокования: так, любопытный обзор сделала А. А. Семенова [23].

Изучение процесса формирования и развития навыков текстильного производства позволяет решить сложнейшие вопросы функционирования традиционного общества: раскрыть особенности связей между производителями текстильных изделий, между производителями и потребителями, а также между потребителями, выявить импортные текстильные изделия и уточнить межэтнические контакты населения.

Среди недавних публикаций нужно назвать теоретическую статью О. В. Орфинской, посвященную проблеме поиска первоначальных, базовых форм кроя, предопределенных сырьем: шкурой животного, войлоком и тканью. Исходя из особенности войлока – возможности создания не ограниченного по площади полотна, автор восстанавливает первоначальную форму войлочной одежды: с плавной линией бокового шва и расширяющимся подолом. Такого кроя верхняя одежда рождается в иранском мире – и именно там, судя по всему, нужно искать древнейшие образцы войлока [17].

Если обратиться к истории изучения войлоков, обнаруживаемых при археологических раскопках, то, безусловно, наиболее яркими надо признать

образцы, зафиксированные во время исследований пазырыкской культуры [19]. Уникальный комплекс находок из «замерзших могил» Горного Алтая позволил не только значительно расширить наши представления о текстильном производстве региона в VI–III вв. до н. э., но и совершенствовать методику исследования и реставрации войлочных изделий. Экспедиции С. И. Руденко и М. П. Грязнова, а впоследствии Института археологии и этнографии СО РАН на Укоке под руководством Н. В. Полосьмак предоставили богатейший материал для изучения истории текстильного производства, костюмного комплекса, а также искусства пазырыкских племен. Еще одним крайне важным комплексом материалов можно считать находки в курганах сюнну, наиболее известными из которых являются войлочные изделия из Ноин-Улы [22].

Несмотря на наличие разработанной методики исследований и убедительных теоретических работ, в большинстве случаев археологическим войлокам не уделяется должного внимания. Причиной этому служат чаще всего невероятная хрупкость и фрагментарность фиксируемых материалов: М. В. Фармаковский отмечал, что войлоки исчезают быстро, так как наиболее подвержены влиянию вредителей [26, 172].

В данной работе приводится характеристика войлочных и суконных изделий поволжских финнов II тыс. н. э. Фрагменты войлока встречаются в погребальных комплексах VIII–XII вв.: в материалах Пановского [12, 25], Крюковско-Кужновского [11, 11–12, 25], Томниковского могильников мордвы [30, 28–29], Веселовского могильника марийцев [27, 27, 32–33, 44]. Любопытно, что в предыдущий период – в памятниках так называемых рязано-окских племен, исследованных на рубеже XIX–XX вв., – судя по дневниковым записям, войлок не фиксируется [24]. В текстильных материалах Никитинского могильника, изученных в

два этапа, при общей неплохой сохранности органических остатков войлоки также не были обнаружены [8; 16]. Однако в статье И. В. Белоцерковской приводится вероятная реконструкция головного убора из могильника Кораблино, исследованного экспедицией ГИМ в 1986–1994 гг., где автор наряду с тканью и кожей в качестве основы предполагает войлок [4]. Тем не менее, если судить по опубликованным материалам [9], применение войлоков у рязано-окских племен не было распространенным явлением. Для периода первой половины II тыс. н. э. характерно некоторое увеличение числа войлочных изделий в погребениях. Так, войлочные подстилки и иные неидентифицируемые изделия фиксируются в погребениях Паньжинского [1, 202], Ефаевского [3, 126], Муранского могильников мордвы данного периода. Возможно, это связано с возросшим влиянием соседних степных народов.

В погребениях XVII–XIX вв. войлок встречается практически повсеместно: в Кельгининском, Каргашинском могильниках мокши, Ревезенском – эрзи, Одошнурском, Русско-Луговском – марийцев¹. Стоит отметить один интересный момент: в XVII–XVIII вв. изделия из войлока начинают декорироваться. Известны образцы с вышивкой (Шоядурский могильник) и с аппликацией из тесьмы из металлизированных волокон (Картуковский могильник). Декорирование войлочных изделий говорит об их широком использовании в костюмном комплексе.

¹ Для написания статьи привлекались коллекции Государственного исторического музея (г. Москва), Национального музея Республики Марий Эл им. Т. Евсеева (г. Йошкар-Ола), музея МарНИИ им. В. М. Васильева (г. Йошкар-Ола), Мордовского республиканского объединенного краеведческого музея им. И. Д. Воронина (г. Саранск), Национального музея Финляндии (г. Хельсинки, Финляндия). Для внутреннего пользования был создан каталог изученных предметов. Пользуясь случаем, выражаю глубочайшую благодарность сотрудникам вышеперечисленных музеев.

Традиционно сукноделие и войлоковалаение представляются близкородственными областями, в случае с текстильными традициями поволжских финнов данное утверждение можно оспорить, поскольку освоение этих областей шло у указанных народов в различные периоды времени.

К XIX–XX вв. относятся этнографические свидетельства распространенности войлочных изделий у мордвы и марийцев. В. Н. Куклин приводит описание свадебных ритуалов, в которых принимают участие войлочные изделия [10, 241]. Кроме того, он упоминает традицию использования валяной обуви (валенок) у мордвы, считая ее заимствованной у русского населения [10, 242]. Ю. А. Богданова, обращаясь к истории валяльного промысла в Нижегородском регионе, особое внимание уделяет производству валенок в Воскресенском, Семеновском и Арзамасском уездах Нижегородской области в XIX–XX вв. Судя по приводимым ею сведениям, изготовлением валенок в исследуемом регионе занимались исключительно русские [5]. Однако даже если сам тип обуви и был заимствован, то традиции в способе его изготовления у поволжских финнов, несомненно, имеют длительную историю. Т. Л. Молотова отмечает наличие войлочных изделий в костюме марийцев: по ее данным, в первую очередь к ним относятся головные уборы [13, 35, 53], а также обувь [13, 53].

К сожалению, практически во всех случаях сохранность войлока такова, что идентифицировать изделие невозможно, но есть основания утверждать, что войлок занимал значительное место в текстильном производстве поволжских финнов.

Если войлочные изделия использовались поволжскими финнами на протяжении всей истории, то с сукнами, т. е. тканями, имеющими настил, си-

туация принципиальным образом отличается. В археологических материалах сукна встречаются нечасто. А. Нахлик при исследовании новгородского археологического текстиля выделяет ряд текстильных фрагментов импортного происхождения с настилом и разнонаправленной круткой нити в утке и основе [14, 270–274]. Отмечены фрагменты тканей с настилом в археологических материалах Западной Сибири [7, 76], в культурном слое Мангазеи [25, 131]. Сукна, таким образом, являются далеко не самой многочисленной категорией в текстильном материале. По имеющимся сведениям, их наличие можно связывать либо с дальними импортами, либо (в период раннего Нового времени) с большим процентом русского населения.

Практически во всех случаях сохранность войлока такова, что идентифицировать изделие невозможно, но есть основания утверждать, что войлок занимал значительное место в текстильном производстве поволжских финнов.

У поволжских финнов ткани с двухсторонним настилом начинают фиксироваться в археологических материалах XVII–XVIII вв., причем массово они встречаются лишь в памятниках марийцев. У мордвы находки данных тканей единичны. Так, фрагменты ткани саржевого переплетения 2/2 с настилом, видимо, от обуви, отмечались нами в Кельгининском могильнике; «кусочек шерстяной материи, похожий на войлок» [21], находившийся под правым плечом покойного (возможно, это также ткань саржевого переплетения 2/2 с настилом), был зафиксирован в одном из погребений Старо-Яблонского могильника мордвы.

Нельзя однозначно утверждать, что данные ткани являются сукнами, поскольку неясно, был ли настил изначаль-

но либо возник в процесс использования изделия. Как уже отмечалось выше, чаще всего сукна имеют разную направленность крутки нити в утке и основе. В образцах, обнаруженных на памятниках поволжских финнов, направления крутки нити одинаковые. Не отрицая большой вероятности того, что указанные изделия подвергались процессу создания настила, можно также предположить, что ткань приобрела такую поверхность в процессе носки (тем более что встречены и иные текстильные фрагменты в «свалянном» состоянии – нити, шнуры, – которые обычно не подвергаются процедуре создания настила).

Этнографами приводятся сведения о получении сукна у поволжских финнов в XIX в. По В. Н. Куклину, «изготовленное сукно валяли на специальных сукновальнях “сукмань чалгама” (э). Она представляла собой доску с ребристой поверхностью длиной в один-полтора метра, шириной 50 см. По бокам стояли невысокие стенки. Для валяния ткань клали на сукновальню и поливали ее горячей водой. Затем с обеих сторон двигали сукном по перекладам лесенки, как правило, вдвоем. Валялось сукно в течение 1,5–2 часов. После этого ткань садилась, становилась плотной и мягкой. Потом споласкивали в чистой речной воде и сушили в тенистом месте.

В некоторых мордовских селениях, как, например, Мордовские Юнки Торбеевского района МАССР, сукна били в ступах в несколько пестов. При этом ткань поливали горячей водой, периодически перевертывая с одной стороны на другую.

В других же местах мордва сама не валяла сукна (с. Сузгарье, Левжа Рузаевского района), а относила их в соседние русские села. Надо сказать, что сукновальние у русских было развито сильнее, чем у мордвы. Русские использовали для этой цели рубель, а в конце XIX – начале XX столетия стали применяться водяные и ветряные толчеи. Впрочем, водяная толчея существовала

и у мордвы-эрзи в селе Ичалки, а также в селе Алово Мордовской АССР» [10, 237–238].

Как отмечает автор, даже в XIX–XX вв. сукноваление у русских было более развито, чем у мордвы. Можно предполагать, что этот вид ремесла был заимствован мордвой у русского населения не ранее XIX в. Интересно, что все исследованные ткани с настилом из многочисленных марийских и мордовских памятников (Кельгининского, Коринского могильников) обладают сходными характеристиками (плотность ткани, крутка нити, визуально даже цвет ткани). Возможно, что все сукно производилось на одной мануфактуре, а затем распространялось по Волге посредством ярмарок или бродячими торговцами. Если предположение верно, то возникает вопрос о месте его производства. На наш взгляд, это могла быть Казань. По сведениям, зафиксированным К. А. Пажитновым, первой суконной мануфактурой в Поволжье была казанская, владельцем которой был Микляев. Мануфактура производила 30 тыс. аршин сукна в год, в 20-е годы XVIII в. на ней работало 742 рабочих на 51 станке [18, 11]. Менее вероятно, но также возможна версия о домашнем производстве сукна. Ю. А. Богданова приводит интереснейшие сведения: «...По преданию, на месте села Красное была фабрика, на которой два мордвина изготавливали сукно красного цвета...» [5, 12].

По внешнему виду ткани, изготовленные на мануфактурах XVIII в., практически неотличимы от тканей домашнего производства: прядение для ткацких мануфактур оставалось ручным до XIX в.; единственным заслуживающим внимания критерием является ширина ткани, так как сукна, производимые на мануфактуре, были намного шире (1 аршин 14 вершков, домашние – 7–10 вершков) [18, 12]. Однако из-за фрагментарной сохранности ширину ткани по археологическим материалам определить чаще всего невозможно. Если наша точка зрения верна, то наличие сукна в погребе-

Все исследованные ткани с настилом из многочисленных марийских и мордовских (Кельгининского, Коринского могильников) памятников обладают сходными характеристиками (плотность ткани, крутка нити, визуально даже цвет ткани). Возможно, что все сукно производилось на одной мануфактуре, а затем распространялось по Волге посредством ярмарок или бродячими торговцами.

ниях может быть важным датирующим элементом. Следует отметить, что до сих пор не существует надежной хронологической шкалы исследуемых погребений раннего Нового времени. Нумизматический материал нельзя считать достаточно надежным основанием для датировок, поскольку монеты, используемые в украшении костюма, могли быть в употреблении довольно длительный период времени.

Подведем некоторые итоги. Несмотря на то что традиционно сукноделие и войлоковаление представляются близкородственными областями, в случае с текстильными традициями поволжских финнов данное утверждение можно оспорить, поскольку освоение этих областей шло у указанных народов в различные периоды времени. Предположительно схема приобретения поволжскими финнами навыков в области текстильного производства выглядит следующим образом. Войлоковаление не является автохтонным для изучаемого региона, о чем свидетельствует редкость находок войлока в памятниках I тыс. н. э. (впоследствии вывод может быть оспорен более пристальным изучением источников). Для родственных народов – прибалтийских финнов – использование войлоков, вероятно, также было нехарактерно: в целом, это подтверждается как археологическим [28], так и этнографическим материалом [20].

Поволжские финны начинают использовать войлочные изделия в связи с возрастанием влияния степных народов; ко второй половине II тыс. н. э. войлок – уже привычный и широко употребляющийся материал. Полувойлоки же поволжские финны вообще не изготавливали, по крайней мере, до XVIII в., и их использование в исследуемом регионе следует объяснять наличием торговых контактов с русским населением.

Таким образом, обе изучаемые традиции были восприняты финнами в ходе

межэтнических контактов и свидетельствуют о постепенном проникновении ремесленных навыков иноплеменных народов в текстильное производство поволжских финнов. Приведенные рассуждения имеют предварительный характер, однако при продолжении изучения данной темы представляется возможным вписать имеющиеся сведения в общую концепцию О. В. Орфинской и предположить первоначальную, базовую выкройку одежды для автохтонных народов Поволжья.

Поступила 10.04.2014

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Алихова, А. Е.* Из древней и средневековой истории мордовского народа : археол. сб. / А. Е. Алихова, М. Ф. Жиганов, П. Д. Степанов. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1959. – Т. 2. – 209 с.
2. *Андреева, Р. П.* Энциклопедия моды : [словарь терминов моды от Древнего Египта до наших дней] / Р. П. Андреева. – СПб. : Литера, 1997. – 416 с.
3. *Археологический сборник* : сб. ст. / под общ. ред. акад. Ю. В. Готье, Н. Ф. Цыганова и Ю. А. Коткова. – Саранск : Мордов. гос. изд-во, 1948. – Т. 1. – 260 с.
4. *Белоцерковская, И. В.* Головной убор из могильника Кораблино // Историческая археология : Традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д. А. Авдусина. – М., 1998. – С. 40–49.
5. *Богданова, Ю. А.* История и традиции валяльно-войлочного промысла в Нижегородской области // Мода и дизайн : исторический опыт – новые технологии : материалы XIV междунар. науч. конф. / под ред. Н. М. Калашниковой. – СПб., 2012. – С. 9–14.
6. *Большая советская энциклопедия.* – М. : Сов. энцикл., 1971. – Т. 4. – 600 с. : ил.
7. *Глушкова, Т. Н.* Археологические ткани Западной Сибири / Т. Н. Глушкова. – Сургут : СурГПИ, 2002. – 206 с.
8. *Елкина, А. К.* Исследование текстиля из Никитинского могильника (из раскопок 1977 г.) / А. К. Елкина, Е. И. Елкина // Никитинский могильник : публикация материалов раскопок 1977–1978 гг. – Т. 3. – С. 147–156.
9. *Кравченко, Т. А.* Шатрищенский могильник : По раскопкам 1966–1969 гг. // Археология Рязанской земли. – М., 1974. – С. 116–183.
10. *Куклин, В. Н.* Приемы обработки и изготовления изделий из шерсти мордвой в XIX – начале XX в. // Исследования по археологии и этнографии Мордовской АССР : тр. МНИИЯЛИЭ. – Саранск, 1966. – Вып. 34. – С. 227–242.
11. *Материалы по истории мордвы VIII–XI вв.* – Моршанск : Изд-во Моршанского музея, 1952. – 232 с.
12. *Материальная культура среднецнинской мордвы VIII–XI вв.* – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1969. – 176 с.
13. *Молотова, Т. Л.* Марийский народный костюм / Т. Л. Молотова. – Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во, 1992. – 112 с. : ил.
14. *Нахлик, А.* Ткани Новгорода // Материалы и исследования по археологии СССР. – М., 1963. – № 123. – С. 228–313.
15. *Орленко, Л. В.* Терминологический словарь одежды / Л. В. Орленко. – М. : Легпромбытиздат, 1996. – 344 с.
16. *Орфинская, О. В.* Исследование текстиля (из раскопок 1998 г.) // Никитинский могильник : публикация материалов раскопок 1977–1978 гг. – Т. 3. – С. 147–156.

17. *Орфинская, О. В.* Три источника, или К вопросу о классификации одежды // Женская традиционная культура и костюм в эпоху Средневековья и Новое время : материалы междунар. науч.-образоват. семинара, 9–10 нояб. 2012 г. / сост., ред. Ю. В. Степанова, науч. ред. Н. В. Жилина. – М. ; СПб., 2012. – Вып. 2. – С. 80–81.
 18. *Пажитнов, К. А.* Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России. Шерстяная промышленность / К. А. Пажитнов. – М., 1955. – 247 с.
 19. *Полосьмак, Н. В.* Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н. э.) / Н. В. Полосьмак, Л. Л. Баркова. – Новосибирск : ИНФОЛИО, 2005. – 232 с. : ил.
 20. *Прибалтийско-финские народы России* // отв. ред. Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина ; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – М. : Наука, 2003. – 671 с. – (Сер. : Народы и культуры).
 21. *Радищев, М. А.* Старо-Яблонский могильник // Тр. Саратов. Ученой Архив. Комиссии. – 1914. – Вып. 31. – С. 145–148.
 22. *Руденко, С. И.* Культура хуннов и Ноинулинские курганы / С. И. Руденко. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1962. – 205 с.
 23. *Семенова, А. А.* Войлок : история и современность // Мода и дизайн : исторический опыт – новые технологии. – СПб., 2012. – С.
 24. *Спицын, А. А.* Древности бассейнов рек Оки и Камы // Материалы по археологии России. – СПб., 1901. – № 25. – 120 с.
 25. *Текстиль Мангазеи (начало XVII века)* / Г. П. Визгалов, С. Г. Пархимович, Т. Н. Глушкова [и др.] // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2006. – № 1 (25). – С. 117–131.
 26. *Фармаковский, М. В.* Изделия из волокнистых материалов // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. – М. ; Л., 1951. – С. 172–178.
 27. *Халиков, А. Х.* Материалы к древней истории Поветлужья (археологические исследования в Ветлужском районе Горьковской области в 1957 году) / А. Х. Халиков, Е. А. Безухова. – Горький : Горьк. кн. изд-во, 1960. – 58 с.
 28. *Хвоцинская, Н. В.* Финны на западе Новгородской земли (по материалам могильника Залахтовье) / Н. В. Хвоцинская. – СПб. : РАН, 2004. – 408 с.
 29. *Царева, Е. Г.* Войлоки Евразии // Культурное наследие народов Центральной Азии, Казахстана и Кавказа : сб. Музея антропологии и этнографии. – СПб., 2006. – Т. 52. – С. 226–265.
 30. *Ястребов, В. Н.* Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губернии // Материалы по археологии России. – СПб., 1893. – № 10. – 88 с.
 31. *Barber, E. J. W.* Prehistoric Textiles. The Development of Cloth in the Neolithic and Bronze Ages, with Special Reference to the Aegean / E. J. W. Barber. – Princeton University Press, 1992. – 508 p.
-